

А.В. КУЧЕНКОВА, Г.Г. ТАТАРОВА

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННОЙ (НЕ)ОДНОРОДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (часть 1)

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (a.v.kuchenkova@gmail.com); ТАТАРОВА Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник (tatarova-gg@rambler.ru). Обе – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена обоснованию важности методологической проблемы анализа качественной (не)однородности изучаемой совокупности объектов в процессе социологического измерения субъективного благополучия. В ней представлены результаты поискового исследования, направленного на апробацию ряда инструментальных средств в процедурах реконструкции среди населения социальных типов (по характеру субъективного благополучия) как качественно однородных латентных образований. В качестве предпосылок авторы исходят из существования пяти групп проблем теоретико-методического характера, постановка и решение которых предположительно будут способствовать развитию методологии изучения качественной (не)однородности.

В этой части статьи, во-первых, обосновывается существование запроса на методическую рефлексию по поводу использования в массовых опросах обобщенных показателей субъективного благополучия (удовлетворенность жизнью, личное счастье), важность перехода к многомерным моделям измерения и анализа, которые реализуются в концептуальных рамках типологического метода социального познания. Во-вторых, рассматривается полнота совокупности частных показателей и логика их отбора для проведения типологического анализа (результаты которого будут представлены во второй части статьи). В-третьих, ставится проблема изучения взаимосвязи показателей субъективного благополучия с позиции формирования основания типологии.

Ключевые слова: качественная (не)однородность • субъективное благополучие • обобщенный показатель субъективного благополучия • частные показатели субъективного благополучия • типологический анализ • типобразующий признак • типологическая структура • основание типологии

DOI: 10.31857/S0132162524040029

Предпосылки и исследовательская задача. В проблематике социологического измерения субъективного благополучия существуют слабо разработанные направления, которые соотносятся с отсутствием должного внимания к постановке и решению целого ряда теоретико-методических проблем, которые целесообразно представить в виде пяти групп. К первой отнесем те из них, которые связаны с разработкой методик изучения взаимосвязей между показателями субъективного благополучия: разного вида обобщенными показателями¹; только частными показателями; обобщенным и частными (например, для ранжирования частных показателей исходя из того, что в разных совокупностях наблюдается различный характер этой связи). Ко второй группе относим проблемы изучения относительной полноты системы частных показателей с позиции и индивидуальных,

¹ В эмпирических исследованиях роль обобщенного (общего, интегрального) показателя субъективного благополучия в отличие от частных играют «удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» (либо по отдельности, либо в составе индексов). При этом сами вопросы о субъективном благополучии могут формулироваться по-разному. Например, удовлетворенность жизнью может измеряться посредством степени согласия с суждениями: *насколько хороша и благополучна жизнь в целом; насколько удовлетворены или не удовлетворены жизнью в целом.*

и групповых измерений (в частности, для сравнения структуры субъективного благополучия в разных группах). Третью группу составляют проблемы определения важности (информативности, адекватности) отдельных частных показателей на индивидуальном уровне. Четвертую – проблемы поиска (включая апробацию на практике) адекватных исследовательской ситуации алгоритмов классификации (кластеризации, сегментации) объектов. И наконец, к пятой группе проблем можно отнести разработку таких методических решений, которые позволили бы выделенные по формально-математическим критериям классы (кластеры, группы, сегменты) объектов трактовать как носителей вполне определенных социальных типов по характеру субъективного благополучия.

Выделенные группы проблем авторы статьи предлагают «поместить» в контекст существования и решения более общей проблемы – анализа *качественной (не)однородности* изучаемой совокупности объектов, – под которой понимается совокупность исследовательских вопросов, возникающих в процессе выявления однотипных объектов для реконструкции на их основе *социальных типов* (либо как объектов социального управления, либо как объектов социального контроля). Проблема качественной (не)однородности прежде всего соотносится с применением типологического метода социального познания: с представлениями об интересующих исследователя *социальных типах*, со спецификой исходных для анализа данных, с основанием типологии (предметно-содержательная специфика), с целью типологического анализа, со структурой типобразующих признаков, а также с особенностями используемых алгоритмов разбиения эмпирических объектов на классы.

Качественная (не)однородность как методологическая проблема возникает на пересечении двух плоскостей. Одна из них связана с концептуальными представлениями об интересующих исследователя социальных типах [Татарова, 2012; Типологический анализ ... 2023: 143–155], другая – с проблемой обеспечения однородности исходных для анализа данных в процессе применения математических методов [Толстова, 1986]. На этом пересечении имеет смысл особо подчеркнуть существование несколько взаимосвязанных контекстов, когда исследователь сталкивается с проблемой качественной (не)однородности. *Первый* относится к тому этапу типологического анализа, когда проводятся классификации, разбиения объектов (в нашем случае – это индивиды) на отдельные классы в зависимости от основания типологии (в нашем случае – представления о близости, похожести индивидов по характеру субъективного благополучия). При этом непременным условием является одинаковая смысловая интерпретация одного и того же значения *классификационного признака* (производной от эмпирических индикаторов переменной, которая «подается» на вход алгоритма классификации). В массовых опросах это условие недостижимо, если в роли таких признаков выступают сами эмпирические индикаторы (вопросы) и объектами классификации (совокупностью, которая подвергается разбиению) являются одновременно все опрошенные. Отсюда – с одной стороны, стремление к измерению классификационных признаков в виде индексов, имеющих одинаковый уровень измерения с одним и тем же числом градаций, с другой стороны, необходимость предварительной типизации (*априорной типологии*) изучаемых объектов для интерпретации одного и того же значения как одного и того же качества. *Второй* контекст возникновения проблемы качественной (не)однородности связан с формированием априорной типологии, со степенью ее подробности, и не ограничивается только рассмотренным выше аспектом. Например, для разбиения объектов на классы могут использоваться разные алгоритмы, каждый из них обладает своей спецификой, отличной от других, выдвигая определенные требования к исходным для анализа данным. Тем самым это обстоятельство может повлиять на число показателей, описывающих априорную типологию. *Третий* контекст, когда исследователь сталкивается с проблемой качественной (не)однородности, возникает на этапе интерпретации результатов классификации и попыток перехода к содержательной типологии.

В предметном поле исследований в области субъективного благополучия одно из проявлений проблематики качественной (не)однородности связано с неоднократно

выявленными парадоксальными на первый взгляд закономерностями: повсеместное устойчивое преобладание позитивных оценок [Diener, Diener, 1996], высокий уровень удовлетворенности жизнью в целом при неудовлетворенности ее отдельными аспектами [Proposny et al., 2016], сохранение на протяжении длительного периода времени высокого уровня обобщенных показателей вне зависимости от существенных изменений в окружающей действительности [Троцук, 2020; Easterline et al., 2009]. Среди предлагаемых объяснений наблюдаемых тенденций – наличие *разных источников* субъективного благополучия у людей, разных «путей» и способов его достижения, разных оснований высокого уровня оценок [Oishi et al., 1999], т.е. отсутствие универсального «рецепта счастья» и *неоднородность индивидов по условиям и основаниям для субъективного благополучия*, что в свою очередь требует рассмотрения данной проблемы также в концептуальных рамках типологического анализа, включая решение задачи по поиску типологических групп среди индивидов с одним и тем же уровнем обобщенного показателя, но отличающихся по конфигурации значений частных.

Рассмотренные выше сюжеты выступают в роли предпосылок в нашем *поисковом исследовании*, направленном на актуализацию методологической проблемы, обозначенной как «*проблема анализа качественной (не)однородности*» населения по характеру субъективного благополучия. Часть из этих предпосылок возникла в результате предыдущих исследований авторов статьи [Татарова, Кученкова, 2016; 2020; Кученкова, Татарова, 2019], а также существующего опыта реализации типологического метода в изучении субъективного благополучия [Мареева, 2018; Тихонова, 2015; Eid et al., 2003]. Часть предпосылок требует дополнительных обоснований, как и важность самой проблемы *анализа качественной (не)однородности*.

В статье представлены результаты реализации одной из возможных концептуальных моделей типологического анализа, в рамках которого использованы различные методические решения, возникшие в результате рефлексии об обозначенных выше пяти группах проблем. В качестве основания типологии – характер взаимосвязи частных показателей субъективного благополучия с обобщенным. В первой части статьи особое внимание будет уделено трем вопросам: почему существует запрос на методическую рефлексию о показателях субъективного благополучия; каковы существующие представления об информативной совокупности частных показателей субъективного благополучия и какова возможная исследовательская логика ее формирования; насколько обоснован выбор в качестве *основания типологии* характера взаимосвязи обобщенного показателя с частными.

Почему существует запрос на методическую рефлексию о показателях субъективного благополучия? По результатам социологических исследований, в которых использованы *обобщенные показатели* субъективного благополучия, наблюдается (на уровне населения страны), с одной стороны, преобладание позитивных оценок над негативными, с другой – их нечувствительность к динамике изменений реальности. Приведем несколько примеров. В России в 1990-х гг. «удовлетворенность жизнью людей четко следовала за изменениями в объемах производства, доходах и потреблении, но с временными лагами, размер которых определялся степенью осознания происходящего» [Воронин и др., 2016: 47]. Но после 2000 г. ситуация изменилась: снижение экономических показателей не сопровождалось снижением удовлетворенности жизнью, только замедлением темпов его роста [Воронин и др., 2016].

Другой пример относится к результатам восьми разных исследовательских проектов (ВЦИОМ, ФОМ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, ESS, WVS, EVS и др.) по России [Широканова, 2020]: с 1998 по 2012 г. фиксируется единый тренд – рост обоих обобщенных показателей (удовлетворенности жизнью, счастья). Несмотря на некоторые флуктуации в 2012–2018 гг. (уровень счастья продолжал расти, а уровень удовлетворенности жизнью немного снижался) в целом люди, положительно оценивающие собственное благополучие, преобладали [Широканова, 2020: 10].

В 2010-х гг. абсолютное преобладание доли россиян, в той или иной мере ощущавших себя счастливыми, стало вызывать скептические оценки (в 2014 г. «счастливыми ощущали себя четыре пятых (78%) россиян, во что верится с большим трудом» [Тихонова, 2015: 20]). Возникли закономерные вопросы к методике, валидности инструментов измерения, актуализируя потребность объяснить, почему даже на фоне сложной социально-экономической ситуации наблюдается высокий уровень счастья населения: например, свыше 80% в период пандемии COVID-19 [Троцук, 2020].

Накоплены многочисленные эмпирические свидетельства, что в разных странах по всему миру в разные временные периоды распределение оценок субъективного благополучия, как правило, смещено в сторону больших значений, более половины населения в той или иной степени довольны жизнью в целом и ее отдельными аспектами; более того, даже представители социальных групп, находящихся в неблагоприятном положении (с наименьшими доходами, имеющие инвалидность и серьезные ограничения по здоровью), демонстрируют оценки субъективного благополучия выше среднего [Diener, Diener, 1996].

Исследователи призывают к аккуратности в интерпретации подобных закономерностей, подчеркивая, что высокие оценки собственного благополучия не свидетельствуют о том, что условия жизни людей превосходны и не требуют улучшений, что существует угроза переоценки субъективного благополучия людей [Ponocny et al., 2016]. Несмотря на то, что большинство населения может быть скорее удовлетворено, чем не удовлетворено жизнью, нет достаточных оснований «говорить о том, что с точки зрения субъективного благополучия ... [общество] относится к счастливым» [Тихонова, 2015: 31]. Индивиды, которые при ответе на вопросы о счастье и удовлетворенности жизнью склонны к высоким оценкам, в детализированном интервью могут сообщать, что испытывают серьезные трудности в жизни, и выражать недовольство отдельными аспектами; высказывая общую удовлетворенность жизнью в целом, они склонны преуменьшать негативные обстоятельства жизни, демонстрируя, что уверенно справляются с невзгодами [Ponocny et al., 2016].

Найти возможные объяснения устойчиво высокой доли «скорее счастливых» и довольных жизнью среди населения разных стран можно в теориях субъективного благополучия, называемых Э. Динером «контекстными» [Diener et al., 1997; 2018], акцентирующих внимание на *варьировании факторов, детерминирующих* высокий уровень субъективных оценок жизни, не только между индивидами, но во времени, с течением жизни. Во-первых, согласно концепции *адаптации* (или «устойчивого уровня» СБ, set-point theory), человек привыкает к новым событиям и обстоятельствам в жизни, которые могут вызывать кратковременное повышение или снижение уровня субъективного благополучия, но затем оно возвращается на «базовый», «средний» для конкретного индивида уровень. Во-вторых, при конструировании оценок собственного благополучия люди выбирают *референтную группу для сравнения* (или создают вымышленную) таким образом, чтобы чувствовать, что они в чем-то лучше, чем представители данной группы. В-третьих, основания для высокого субъективного благополучия не универсальны, они зависят от *ценностных приоритетов, желаний, целей в жизни*, от степени и скорости приближения к выбранным, актуализированным для себя целям. Выдвижение на первый план разных смыслов жизнедеятельности позволяет придавать разную субъективную важность отдельным аспектам жизни (например, большую тем, в которых человек успешен и состоятелен), выбирать для себя основания и опору при формировании интегральной оценки личного благополучия.

Так или иначе, индивиду для эффективного функционирования и решения повседневных задач жизнедеятельности важно сохранять уверенность в своих силах, позитивные представления о себе. При столкновении с негативными событиями, неудачами, могут включаться защитные механизмы собственного образа «Я», помогающие адаптироваться путем сосредоточения внимания на зонах успеха в жизни.

Результаты наблюдения в динамике за «поведением» одиночных эмпирических индикаторов (вопросы об удовлетворенности жизнью, личном счастье, насколько хороша и благополучна жизнь в целом и др.), рассматриваемых в роли его обобщенных

показателей, привели к выводам, что оценки субъективного благополучия могут сохраняться на достаточно высоком уровне с течением времени, а условия и факторы, их детерминирующие, меняются; а также – что население может быть неоднородным по мотивам, основаниям для удовлетворенности жизнью. Из этого и возникает потребность в переходе к многомерным моделям, изучению дифференциации индивидов по специфике взаимосвязи показателей субъективного благополучия. Тогда и встает вопрос о том, как они представлены в исследовательских практиках и из чего можно исходить при формировании информативной системы частных показателей субъективного благополучия.

Об информативной системе частных показателей субъективного благополучия.

Проблема полноты и информативности системы частных показателей носит относительный характер и зависит от специфики исследовательской ситуации и, в частности, от того, какая совокупность подвергается типологическому анализу и для каких целей он проводится. Отметим, что за рамками статьи остается один из важнейших вопросов развития методологии социологического измерения субъективного благополучия, связанный со спецификой типологического анализа на уровне разных сфер жизнедеятельности. Особый интерес здесь представляют исследования по экономическому субъективному благополучию [Хащенко, 2007], по субъективному благополучию на работе [Татарова, Бессокирная, Кученкова, 2021].

При формировании перечня частных показателей благополучия исследователи могут стремиться к выбору достаточно универсальных характеристик, подходящих для различных категорий взрослого населения [Балацкий, 2005; Тихонова, 2015; Cummins et al., 2003], либо включать специфические, если речь идет об изучении отдельных социально-демографических групп, например, рабочих [Бессокирная, Темницкий, 2000], студенческой молодежи [Мягков, 2015]. Количественный состав частных показателей существенно варьируется: может включать 4 переменные [Easterline et al., 2009], 7 [Cummins et al., 2003], 11 [Балацкий, 2005], 15 [Тихонова, 2015] и даже 41 [Мягков, 2015].

Попытка систематизировать опыт исследователей в этом направлении была предпринята Р. Кумминсом. Он насчитал более 170 наименований аспектов жизнедеятельности, которые используются в качестве частных показателей удовлетворенности жизнью, субъективного качества жизни [Cummins, 1996]. Однако, несмотря на существенную многочисленность и вариативность формулировок, в подавляющем большинстве случаев в том или ином виде они представляли ограниченный, относительно небольшой набор ключевых сфер. Большая часть из исходных показателей была сгруппирована Р. Кумминсом в семь блоков, которые он условно обозначил так: 1) *здоровье*; 2) *социальные и семейные связи* (отношения с близкими людьми, членами семьи и друзьями); 3) *материальное благополучие*; 4) *работа и другие формы продуктивной деятельности* (занятости); 5) *эмоциональный компонент* (куда включались свободное время и удовлетворенность его проведением, психологическое благополучие, религиозность, самоактуализация, общее чувство комфорта и др.); 6) *безопасность* (понимаемая как уверенность в собственных силах справиться с возможными проблемами в жизни, чувство контроля, независимости, компетентности, стабильности, финансовой безопасности); 7) *место в сообществе* (отражающее принадлежность к социальному классу, уровень образования, профессиональный статус, интегрированность в сообщество, самооценку, самоуважение; удовлетворенность местом проживания, соседями и др.). Опираясь на полученную классификацию, Р. Кумминс предложил *Индекс личного благополучия* (Personal wellbeing index, PWI), который включает семь показателей – по одному на каждый выделенный им блок [Cummins et al., 2003]: *удовлетворенность стандартами жизни (материальным благополучием), здоровьем, достижениями в жизни (в работе и других видах занятости), взаимоотношениями с близкими людьми, чувством безопасности* (уверенность в возможности справиться с потенциальными жизненными проблемами и трудностями), *взаимоотношениями и включенностью в сообщество* (профессиональное, по месту проживания), *уверенность в будущем* (в его безопасности).

При отборе частных показателей субъективного благополучия возможной опорой могут выступать не только существующие исследовательские практики, но и представления самих индивидов о содержании и составляющих личного благополучия. Обратимся к ответам респондентов на открытые вопросы о том, что, по их мнению, представляет собой благополучная жизнь, счастье, каковы их источники и компоненты (по данным ВЦИОМ, ФОМ², а также всероссийского опроса, проведенного в рамках проекта по социальному благополучию коллективом ИС ФНИСЦ РАН [Информационно-аналитический..., 2020]). Несмотря на отличия в ответах и частоте упоминания отдельных категорий, неизменно в десятку наиболее распространенных входит несколько: *работа* («хорошая», стабильная, позволяющая самореализоваться), *материальная обеспеченность* (материальное благополучие, деньги, достаток, отдельно в качестве самостоятельного элемента зачастую фигурируют жилищные условия), *близкие люди* (наличие семьи, детей, благополучие в личной жизни), *здоровье* (не только свое, но и близких). Также во всех исследованиях среди ответов респондентов присутствует категория «чувство стабильности, уверенности в будущем», хотя ее популярность варьируется (в 2011 г. 12% упоминаний, в 2023 – 3%). Примечательно, что перечисленные категории ответов были получены как при вопросе о благополучной жизни, так и о счастье, косвенно подтверждая существенные пересечения в содержании этих понятий в сознании индивидов.

Кроме выделенных пяти аспектов жизнедеятельности, по которым ответы респондентов совпали (см. табл.), встречались такие составляющие и источники благополучной или счастливой жизни, как свобода делать то, что хочешь, душевная гармония (ВЦИОМ, 2010–2011); общая удовлетворенность жизнью, отсутствие бед, любимое дело (ВЦИОМ, 2023); успех, отдых, уважение окружающих, активность, вера и др. (ИНАБ, 2020).

Вариативность содержательного наполнения понятий «благополучная / счастливая жизнь» подтверждается данными и других исследований, опирающихся не на один открытый вопрос, а на более детализированное и обстоятельное обсуждение темы. Например, по результатам серии групповых дискуссий с представителями работающей категории населения средних лет о понимании ими «субъективного» / «социального благополучия» [Шилова, 2019], было выделено восемь основных типовых трактовок. Четыре из них совпадают с перечисленными выше ключевыми аспектами жизнедеятельности (табл.): смысл благополучия в «работе и карьерном росте», «материальном достатке», «семье», «перспективе успешного будущего, стабильности и определенности». Оставшиеся: «баланс всех важных жизненных составляющих», «благополучие как свобода», «личностное развитие, жизненный опыт и общественное признание», «счастье и душевная гармония».

Аналогичные исследования в зарубежных странах по изучению социальных представлений о благополучии, счастье [Bojanowska, Zalewska, 2016; Delle Fave et al., 2016; Ponocny et al., 2016] свидетельствуют, что несмотря на разнообразие предлагаемых опрашиваемыми трактовок или выделяемых аспектов жизнедеятельности, вновь непременно в том или ином виде присутствует работа, материальный достаток, близкие люди и здоровье. Помимо этого, среди условий и важных составляющих благополучной жизни в рассматриваемых исследованиях фигурируют свободное время и качество его проведения, психологические компоненты (самооценка, уверенность в себе и т.п.), вера и религиозность, социальные контакты и сообщество, личностное развитие и образование.

В массовых опросах состав частных показателей формируется с учетом цели и задач, специфики исследовательской ситуации, позволяя более детализировано представлять

² Что такое счастье – и где живут счастливые люди? // ВЦИОМ. 2011. 9 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-takoe-schaste-i-gde-zhivut-schastlivye-lyudi>; Счастье: чему радуются россияне? // ВЦИОМ. 2018. 22 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-chemu-raduyutsya-rossiyane>; Индекс счастья: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. 20 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring>; Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян. Как россияне представляют себе «благополучную жизнь», и как измерять показатели благополучия // ФОМ. 2019. 26 Августа. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244>

Таблица

Встречаемость различных аспектов жизнедеятельности в социальных представлениях индивидов о субъективном благополучии

№	Исследования	Аспекты жизнедеятельности				
		работа	материальная обеспеченность	близкие люди, семья	здоровье (свое и близких)	чувство стабильности, уверенности в будущем
Российские (на основе ответов на открытые вопросы, обсуждений в рамках фокус-групп)						
1	ВЦИОМ, 2010–2011 (счастье)	✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓	✓	✓
2	ВЦИОМ, 2018 (источники счастья)	✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓	✓	✓
3	ВЦИОМ, 2023 (источники счастья)	✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓ ✓	✓	✓
4	ФОМ, 2017 (благополучная жизнь)	✓	✓	✓	✓	✓
5	ИНАБ, 2020 (благополучие)	✓ ✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓	✓	✓ ✓
6	Шилова, 2019 (субъективное благополучие)	✓	✓	✓		✓
Зарубежные (на основе ответов на открытые вопросы, по результатам интервью, ассоциативных экспериментов)						
7	Bojanowska, Zalewska, 2016	✓	✓	✓	✓	
8	Delle Fave et al, 2016	✓	✓	✓ ✓	✓	
9	Ponocny et al., 2016	✓	✓	✓	✓	

Примечание. Количество «галочек» в ячейках отражает число возможных характеристик для измерения «аспекта».

и учитывать те или иные составляющие жизнедеятельности. Например, наряду с вопросами об удовлетворенности по перечисленным в табл. 1 аспектам, акцентировать большее внимание на условиях и качестве повседневной жизни (путем включения субъективных оценок питания, возможностей для проведения досуга, отдыха в период отпуска, общения с друзьями, получения образования и знаний и др. [Тихонова, 2015]), а также подробнее рассматривать место проживания (через такие дополнительные показатели, как удовлетворенность экологической ситуацией, комфортностью климата, социальной инфраструктурой, обстановкой в стране и др. [Балацкий, 2005]).

Данные таблицы иллюстрируют, что существует информативный набор частных показателей субъективного благополучия. Их вклад в общую удовлетворенность жизнью может варьироваться в зависимости от личных обстоятельств. Тем самым характер взаимосвязей частных показателей и обобщенного может служить основанием для выделения различных типологических групп.

Проблемы взаимосвязи между показателями субъективного благополучия в контексте анализа качественной (не)однородности. Изучение взаимосвязей показателей субъективного благополучия были отнесены нами к первой группе теоретико-методических проблем, среди которых были выделены три базовые. Первая из них относится к изучению взаимосвязи между обобщенными показателями разного вида, вторая – только между частными, третья – между обобщенным и частными показателями. Что касается первой проблемы, то она была рассмотрена нами на страновом, групповом

(основания для выделения – этапы жизненного цикла) и индивидуальном уровнях [Татарова, Кученкова, 2020]. Это позволило обосновать целесообразность использования «логического индекса» в качестве обобщенного показателя субъективного благополучия, позволяющего в двумерном пространстве («удовлетворенность жизнью» * «личное счастье») выделить сегменты, на которых наблюдается вполне определенный характер взаимосвязи между этими показателями. По сравнению с другими существующими индексами, – опирающимися на разницу ответов на прямые вопросы об «удовлетворенности жизнью» и «личном счастье», на вычисление среднего арифметического, – предлагаемая модель обладает определенными преимуществами в массовых опросах: процедурной прозрачностью формирования индекса, что облегчает обнаружение атипичных ситуаций; приоритетом качества над количеством при выделении *качественно однородных* (по обобщенному показателю) групп; избегания искусственности конструкта; уход от «суммирования».

Что касается второй проблемы, то отметим лишь, что предлагаются разные варианты объяснения взаимосвязи и между частными показателями: по принципу *дополнения* (удовлетворенность в одной сфере способствует повышению удовлетворенности в других) или *компенсации* – если некоторые частные показатели низкие, другие могут быть высокими, позволяя сохранять на высоком уровне и обобщенный показатель [Loewe et al., 2014].

Для наших целей крайне важна третья теоретико-методическая проблема (взаимосвязь между обобщенным и частными показателями) из выделенной выше первой группы. Прежде всего отметим, что дискуссионным остается вопрос о направлении этой связи: либо удовлетворенность отдельными, важными для индивида аспектами жизнедеятельности ложится в основу общего чувства благополучия, либо позитивная оценка жизни в целом «переносится» и на отдельные ее сферы (концепции «bottom-up» и «top-down» соответственно [Schimmack, 2008]), либо оба процесса взаимодействуют.

Специфика представлений индивида о компонентах, условиях, неотъемлемых элементах благополучной жизни и счастья взаимосвязана с уровнем субъективного благополучия в целом. Например, ориентация на материальное благополучие снижает удовлетворенность жизнью, а на взаимоотношения с близкими – повышает; важность и значимость трудовой деятельности повышает уровень позитивного аффекта [Bojanowska, Zalewska, 2016]. Понимание индивидом счастья в эвдемоническом ключе теснее и устойчивее связано с субъективным благополучием, чем понимание в гедонистическом [McMahan, Estes, 2011]. Для чувства личного благополучия важно не только то, на каких его аспектах фокусируется человек, но еще и насколько многообразно и разнообразно его представление о нем. Так, наблюдается положительная взаимосвязь между уровнем субъективного благополучия и «сложностью/комплексностью» понимания счастья (количеством его определений, которые разделяет человек) [Krasko et al., 2022].

Результаты изучения взаимосвязи удовлетворенности жизнью/личного счастья с частными показателями представлены в многочисленных российских и зарубежных публикациях. Традиционно они посвящены выявлению наиболее значимых сфер жизнедеятельности. При этом обнаружено, что в разные периоды жизни характер этой взаимосвязи может меняться ввиду изменения важности и значимости отдельных сфер жизни. Так, на данных опросов в США [Easterline et al., 2009] и Великобритании [McAdams et al., 2012] выявлено, что несмотря на то, что каждый из частных показателей имеет разную траекторию в течение жизни (например, удовлетворенность состоянием здоровья, социальными контактами снижается, а финансовым положением и работой растет), все вместе (их усредненная траектория) они хорошо объясняют и предсказывают значение обобщенного показателя, который является достаточно стабильным, не сильно снижаясь, что свидетельствует о *неоднородности* населения по специфике взаимосвязи между частными показателями субъективного благополучия и обобщенным.

Выявленные закономерности (сохранение уровня общей удовлетворенности жизнью на относительно стабильном уровне с течением жизни при изменении уровня частных

показателей; влияние на изменение уровня субъективного благополучия успехов/неудач в тех областях жизни, которые человек считает значимыми для себя [Oishi et al., 1999]; тесная корреляция между частными удовлетворенностями и общей даже при контроле личностных черт [Schimmack, 2008] и др.) привели к выводу о необходимости учета субъективной важности/значимости частных показателей на индивидуальном уровне. Сформировалось представление о том, что субъективная важность сферы жизни играет главную роль в объяснении взаимосвязи частного и обобщенного показателей. В инструментарий сбора данных стали включаться дополнительные вопросы о важности, значимости тех или иных аспектов жизнедеятельности, чтобы использовать эту информацию при конструировании интегральных суммарных индексов и определении «веса» частных показателей на индивидуальном уровне [Балацкий, 2005] или групповом [Мягков, 2015]. Однако оказалось, что они не демонстрируют более тесной корреляции с обобщенным показателем по сравнению с индексами, в состав которых все частные показатели входят как равноправные. Тем самым учет дополнительной информации о субъективной важности тех или иных сфер жизни не улучшал качество предсказания уровня удовлетворенности жизнью [Sirgy et al., 2020]. Возможно, среди прочего это связано с изучением взаимосвязей универсальных, на «глобальном» уровне [Татарова, 2004: 113–123], а также с опорой на принцип аддитивности, что ведет к игнорированию потенциальных эффектов взаимодействий показателей субъективного благополучия и, соответственно, важности дифференциации индивидов не только по уровню значений самих показателей, их субъективной важности, но и по характеру их взаимодействия. Преодоление данного ограничения возможно при обращении к нетрадиционным подходам к реализации типологического анализа [Типологический анализ... 2023: 293–310], результаты апробации которого будут рассмотрены во второй части статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 4(76). С. 42–52.
- Бессокирная Г.Г., Темницкий А.Л. Рабочие на частном предприятии: удовлетворенность жизнью // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 33–37.
- Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. «Кому на Руси жить хорошо?» Мониторинг 1994–2013 гг. // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 26–53.
- Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089
- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.
- Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707.
- Мягков А.Ю. Диагностика и измерение социального самочувствия студентов: к обоснованию методики // Социология образования. 2015. № 7. С. 102–113.
- Татарова Г.Г. Концепт «социальный тип» в эмпирических исследованиях // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Мат. IV Всеросс. социол. конгр. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 7187–7194.
- Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М: Новый учебник, 2004.
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 565–589.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.

- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 19–33.
- Толстова Ю.Н. Обеспечение однородности исходных данных в процессе применения математических методов // *Социологические исследования*. 1986. № 3. С. 49–154.
- Троцук И.В. Мы счастливы, благополучны или притворяемся: социальный запрос на методическую рефлексия // *Мат. X междунар. социол. Грушинской конф. «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности»*, 20 мая – 14 ноября 2020 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 107–112.
- Хашченко В.А. Типология субъективного экономического благополучия // *Психологический журнал*. 2007. Т. 28. № 1. С. 57–69.
- Шилова В.А. Субъективные оценки благополучия: теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. № 3. С. 136–150.
- Широканова А.А. Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // *Вестник СПбГУ. Социология*. 2020. Т. 13. № 1. С. 4–24.
- Bojanowska A., Zalewska A.M. Lay Understanding of Happiness and the Experience of Well-Being: Are Some Conceptions of Happiness More Beneficial than Others? // *Journal of Happiness Studies*. 2016. Vol. 17. P. 793–815.
- Cummins R.A., Eckersley R. et al. Developing a national index of subjective well-being: The Australian Unity Well-being Index // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64. P. 159–190.
- Cummins R.A. The Domains of Life Satisfaction: An Attempt to Order Chaos // *Social Indicators Research*. 1996. Vol. 38. Iss. 3. P. 303–328.
- Delle Fave A., Brdar I. et al. Lay Definitions of Happiness across Nations: The Primacy of Inner Harmony and Relational Connectedness // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. Art. 30. P. 1–23. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00030.
- Diener E., Diener C. Most people are happy // *Psychological science*. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 181–185.
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being // *Collabra: Psychology*. 2018. Vol. 4. Iss. 1. Art. 15. P. 1–49. DOI: 10.1525/collabra.115.
- Diener E., Suh E., Oishi S. Recent findings on subjective well-being // *Indian Journal of Clinical Psychology*. 1997. Vol. 24. Iss. 1. P. 25–41.
- Easterlin R.A., Sawangfa O. Happiness and Domain Satisfaction: New Directions for the Economics of Happiness // *Happiness, Economics and Politics. Towards a Multi-Disciplinary Approach* / Ed. by A.K. Dutt, B. Radcliff. Cheltenham: Edward Elgar, 2009. P. 70–96.
- Eid M., Langeheine R., Diener E. Comparing typological structures across cultures by multigroup latent class analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003. Vol. 34 No. 2. P. 195–210
- Krasko J., Intelisano S., Luhmann M. When Happiness is Both Joy and Purpose: The Complexity of the Pursuit of Happiness and Well-Being is Related to Actual Well-Being // *Journal of Happiness Studies*. 2022. Vol. 23(7). P. 1–29.
- Loewe N., Bagherzadeh M. et al. Life Domain Satisfaction as Predictors of Overall Life Satisfaction Among Workers: Evidence from Chile // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 118. P. 71–86.
- McAdams K.K., Lucas R.E., Donnellan M.B. The Role of Domain Satisfaction in Explaining the Paradoxical Association Between Life Satisfaction and Age // *Social Indicators Research*. 2012. Vol. 109. P. 295–303.
- McMahan E.A., Estes D. Hedonic Versus Eudaimonic Conceptions of Wellbeing: Evidence of Differential Associations with Self-reported Well-being // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 103(1). P. 93–108.
- Oishi S., Diener E. et al. Value as a Moderator in Subjective Well-Being // *Journal of Personality*. 1999. Vol. 67. Iss. 1. P. 157–184.
- Ponocny I., Weismayer C. et al. Are Most People Happy? Exploring the Meaning of Subjective Well-Being Ratings // *Journal of Happiness Studies*. 2016. Vol. 17. Iss. 6. P. 2635–2653.
- Schimmack U. The Structure of Subjective Well-Being // *The Science of Subjective Well-Being* / Ed. by M. Eid, R.J. Larsen. N. Y.: The Guilford Press, 2008. P. 97–123.
- Sirgy M.J., Kim M.Y. et al. The Relationship Between Domain Satisfaction and Domain Importance: The Moderating Role of Depression // *Journal of Happiness Studies*. 2020. Vol. 21. Iss. 6. P. 2007–2030.

Статья поступила: 19.03.24. Финальная версия: 16.05.24. Принята к публикации: 30.05.24.

SUBJECTIVE WELL-BEING: THE PROBLEM OF ANALYZING POPULATION QUALITATIVE HETEROGENEITY (PART 1)

KUCHENKOVA A.V. *, TATAROVA G.G. *

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Anna V. KUCHENKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Researcher (a.v.kuchenkova@gmail.com); Galina G. TATAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher (tatarova-gg@rambler.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. The article discusses importance of the methodological problem of analyzing the qualitative heterogeneity of a set of objects in the process of sociological measuring of subjective well-being. It presents the results of an exploratory study aimed at testing a number of tools in procedures of reconstructing social types among the population as qualitatively homogeneous latent formations (according to the nature of subjective well-being). Taking as preconditions, the authors proceed from the existence of five group problems of a theoretical and methodological nature, the formulation and solution of which presumably contribute to developing a methodology for studying qualitative heterogeneity.

This part of the article, first, substantiates the existence of a request for methodological reflecting the use of generalized indicators of subjective well-being (life satisfaction, personal happiness) in mass surveys, the importance of the transition to multidimensional models of measurement and analysis implemented within the conceptual framework of the typological method of social knowledge. Second, the complete set of particular indicators and the logic of their selection for typological analysis are offered (the results will be presented in the second part of the article). Third, the problem of studying the relationship between indicators of subjective well-being is raised from the perspective of forming the basis for the typology.

Keywords: qualitative heterogeneity; subjective well-being; generalized indicator of subjective well-being; particular indicators of subjective well-being; typological analysis; type-forming feature; typological structure; basis for the typology.

REFERENCES

- Balatsky Y.V. (2005) Life Satisfaction Factors: Measurement and Integral Indicators. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 4(76): 42–52. (In Russ.)
- Bessokirnaya G.G., Temnitsky A.L. (2000) Workers at a private enterprise: life satisfaction. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 33–37. (In Russ.)
- Bojanowska A., Zalewska A.M. (2016) Lay Understanding of Happiness and the Experience of Well-Being: Are Some Conceptions of Happiness More Beneficial than Others? *Journal of Happiness Studies*. Vol. 17: 793–815.
- Cummins R.A., Eckersley R. et al. (2003) Developing a national index of subjective well-being: The Australian Unity Well-being Index. *Social Indicators Research*. Vol. 64: 159–190.
- Cummins R.A. (1996) The Domains of Life Satisfaction: An Attempt to Order Chaos. *Social Indicators Research*. Vol. 38. Iss. 3: 303–328.
- Delle Fave A., Brdar I. et al. (2016) Lay Definitions of Happiness across Nations: The Primacy of Inner Harmony and Relational Connectedness. *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. Art. 30: 1–23. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00030.
- Diener E., Diener C. (1996) Most people are happy. *Psychological science*. Vol. 7. Iss. 3: 181–185.
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2018) Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being. *Collabra: Psychology*. Vol. 4. Iss. 1. Art. 15: 1–49. DOI: 10.1525/collabra.115.
- Diener E., Suh E., Oishi S. (1997) Recent findings on subjective well-being. *Indian Journal of Clinical Psychology*. Vol. 24. Iss. 1: 25–41.
- Easterlin R.A., Sawangfa O. (2009) Happiness and Domain Satisfaction: New Directions for the Economics of Happiness. In: Dutt A.K., Radcliff B. (eds.) *Happiness, Economics and Politics. Towards a Multi-Disciplinary Approach*. Cheltenham: Edward Elgar: 70–96.
- Eid M., Langeheine R., Diener E. (2003) Comparing typological structures across cultures by multigroup latent class analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 34. No. 2: 195–210.
- Information and Analytical Bulletin (INAB). (2020) No. 1. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of empirical research. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089 DOI: 10.1525/collabra.115. (In Russ.)

- Hashenko V.A. (2007) Subjective economic well-being typology. *Psikhologicheskiiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 28. No. 1: 57–69. (In Russ.)
- Krasko J., Intelisano S., Luhmann M. (2022) When Happiness is Both Joy and Purpose: The Complexity of the Pursuit of Happiness and Well-Being is Related to Actual Well-Being. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 23(7): 1–29.
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) “Life-cycle Stage” as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135–1. (In Russ.)
- Loewe N., Bagherzadeh M. et al. (2014) Life Domain Satisfactions as Predictors of Overall Life Satisfaction Among Workers: Evidence from Chile. *Social Indicators Research*. Vol. 118: 71–86.
- Mareeva S.V. (2018) Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 18. N. 4: 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707 (In Russ.)
- McAdams K.K., Lucas R.E., Donnellan M.B. (2012) The Role of Domain Satisfaction in Explaining the Paradoxical Association Between Life Satisfaction and Age. *Social Indicators Research*. Vol. 109: 295–303.
- McMahan E.A., Estes D. (2011) Hedonic Versus Eudaimonic Conceptions of Wellbeing: Evidence of Differential Associations with Self-reported Well-being. *Social Indicators Research*. Vol. 103(1): 93–108.
- Myagkov A. Yu. (2015) Diagnostics and measurement of students’ social well-being: grounding of the method. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. No. 7: 102–113. (In Russ.)
- Oishi Sh., Diener E. et al. (1999) Value as a Moderator in Subjective Well-Being. *Journal of Personality*. Vol. 67. Iss. 1: 157–184.
- Ponocny, I., Weismayer, C. et al. (2016) Are Most People Happy? Exploring the Meaning of Subjective Well-Being Ratings. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 17. Iss. 6: 2635–2653.
- Schimmack U. (2008) The Structure of Subjective Well-Being. In: Eid M., Larsen R.J. (eds.) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: The Guilford Press: 97–123.
- Shilova V.A. (2019) Classification of Communicative Strategies in the Implementation of Management Decisions. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 7. No. 3: 136–150. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.3.6694. (In Russ.)
- Shirokanova A.A. (2020) Trends of Subjective Well-being in Russia: 1998–2018. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* [Bulletin of Saint-Petersburg University. Sociology]. Vol. 13. No. 1: 4–24. DOI: 10.21638/spbu12.2020.101. (In Russ.)
- Sirgy M.J., Kim M.Y. et al. (2020) The Relationship Between Domain Satisfaction and Domain Importance: The Moderating Role of Depression. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 21. Iss. 6: 2007–2030.
- Tatarova G.G. (2007) *Fundamentals of typological analysis in sociological research*. Moscow: Vysshee obrazovanie i nauka. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2012) The concept of “social type” in empirical research. In: *Sociology and society: global challenges and regional development: Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress*. Moscow: ROS: 7187–7194. 1 CD ROM. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. (2021) Subjective Well-Being at Work: Research Practices of Sociological Measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 10: 37–49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2016) Indicators of Subjective Well-being as Characteristics for Typology Building. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–32. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2020) “Life Satisfaction” and “Personal Happiness” in the Sociological Studies of Subjective Well-being. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Reforming Russia: Yearbook*. Iss. 18. Moscow: Novyy khronograf: 565–589. DOI: 10.19181/ezheg.2020.24. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (eds.) (2023) *Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure*. Moscow: FNISTC RAN. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2015) Russians’ life satisfaction: dynamics and factors. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 3: 19–33. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (1986) Ensuring the homogeneity of initial data in the process of applying mathematical methods. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 49–154. (In Russ.)
- Trotsuk I.V. (2020) We are happy, prosperous, or pretending: a social request for methodological reflection. In: Kuleshova A.V. (ed.) *Materials of the X International Sociological Grushin Conference “Living in Russia. Live in peace. Sociology of everyday life”*, May 20 – November 14, 2020. Moscow: VTsIOM: 107–112. (In Russ.)
- Voronin G.L., Zakharov V.Y., Kozyreva P.M. (2016) “Who lives well in Russia?” 1994–2013 Monitoring survey. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 22. No. 1: 26–53. DOI 10.19181/soc-jour.2016.22.1.3918. (In Russ.)